

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Костяковой Юлии Борисовны на тему

«Формирование массово-информационных пространств

Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной информационной политики (1922–1991 гг.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02

«Отечественная история»

Диссертационная работа Ю.Б.Костяковой «Формирование массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной информационной политики (1922–1991 гг.)» подготовлена на содержательно важную тему. Актуальность диссертационного исследования во многом определяется тем, что процессы, происходившие в советском обществе, сочетали в себе два взаимосвязанных феномена: с одной стороны, происходило становление общества, построенного на новых социальных принципах, разительно отличавшихся от существовавших в других государствах; с другой стороны, в СССР происходили процессы становления индустриального общества, характерного для многих государств мира в XX веке. Взаимосвязь процессов индустриального развития и социальных трансформаций усложнялась этническими, религиозными, культурными особенностями государств, территорий, регионов, крайне неравномерно входивших в индустриальное общество.

В связи с этим большой научный интерес представляет анализ становления и развития советского общества в новых исторических условиях. Мы полагаем, что становление и развитие советского общества было одновременно развитием индустриального общества и выросшего на его основе массового общества. Индустриальное общество и возникало как массовое общество со всеми присущими ему институтами. Поэтому углубленный

анализ жизни российских (советских) регионов, особенно находившихся далеко от политического центра страны, отличавшихся природными, ресурсными, этническими, религиозными, образовательными особенностями, представляет неослабевающий интерес.

Очевидно и другое важное обстоятельство: история того периода, которое называется история советского общества, не изучена в достаточной степени. С одной стороны, длительное время существовали идеологические, научные ограничения, не позволявшие изучить многие важные документы; с другой стороны, накопилось большое количество идеологем, мифов, созданных уже в постсоветский период. Поэтому стремление автора дать «сквозной» анализ определенного процесса на протяжении всей истории советского общества заслуживает одобрения. Такой подход создает предпосылку для выявления наиболее существенных тенденций, определявших советскую действительность.

Одним из важнейших институтов индустриального общества был институт средств массовой информации, с помощью которого формировалось общество, социальные группы, сами граждане. СМИ, устная агитация и пропаганда, формы массовой политической работы создавали принципиально новое информационное пространство в обществе через включение каждого человека (или большинства граждан) в процессы политической мобилизации. Для советского режима существенно важно было создать ситуацию, при которой, с одной стороны, с помощью различных средств информационного, политического, культурного, морального воздействия граждане оказались бы опутаны сетью информационного и идеологического контроля, а с другой стороны, не допускающей другого внешнего влияния, побуждающей граждан к действиям, необходимым власти,.

В этом контексте мы поддерживаем усилия автора в создании теоретической модели массово-информационных пространств (МИП) с целью системного осмысления определенного институционального процесса. С помощью модели массово-информационных пространств можно выделить

определенный класс явлений и процессов в советском обществе, предметно ограничить его, дать описание и подвергнуть анализу. Концепт МИПов позволяет качественно характеризовать институциональные изменения в массовом сознании в период становления индустриального общества. Правда, в отличие от автора, мы полагаем, что МИПы создают не только СМИ, но и различные формы устной агитации, массовой политической работы, которую проводили партийные, советские, комсомольские и профсоюзные органы. МИПы были концентрированным выражением разносторонней работы партийных и находящихся под их контролем государственных и общественных организаций по воспитанию граждан и формированию их массового сознания. СМИ были центральным элементом данной институциональной работы. Заметим также, что феномены, подобные МИПам советского общества, можно обнаружить и в действительности других индустриальных государств, хотя и с различающимися характеристиками.

Во введении автор в целом корректно определяет объект, предмет, цели и задачи исследования. Территориальные и хронологические рамки исследования автором достаточно подробно обоснованы и позволяют сформулировать вполне корректные выводы.

Со структурой работы можно согласиться, она позволяет проследить наиболее важные процессы в развитии средств массовой информации, МИПов.

Новизна диссертационного исследования, если выделить наиболее существенное в работе, как представляется, заключается в следующем:

1. Формирование авторского теоретического подхода к осмыслению процессов функционирования СМИ при осуществлении государственной информационной политики в советском обществе (концепт массово-информационных пространств).

2. Исторический анализ становления и развития массово-информационных пространств в условиях формирования институтов индустриального общества в СССР.

3. Выявление региональной специфики в формировании и развитии института средств массовой информации и массово-информационных пространств в рамках истории советского общества.

Первую главу диссертации Ю.Б. Костякова посвятила рассмотрению теоретических, историографических и источниковедческих аспектов исследуемой проблемы. Отметим как положительный факт, что автор уделяет большое внимание работе с понятиями, которые используются в исследовании. Это создает весомые предпосылки для однозначного толкования выводов и рассуждений автора по теме исследования.

При анализе источниковой базы исследования мы обратили внимание на предложенную классификацию источников. Интересным сюжетом стала систематизация значительного количества однотипных письменных источников на основании такого критерия оценки, как степень верифицируемости информации. Однако, как полагаем, следовало бы более корректно подойти к классификации источников. В частности, к такой группе источников как «Законодательные акты» отнесены и партийные постановления, и постановления Совета Министров, которые к законодательным актам отнести нельзя. В группу «Документы ВКП(б)–КПСС» вошли решения руководящих органов ВКП(б) – КПСС, а также тексты публичных выступлений лидеров партии. В то же самое время документация партийных органов отнесена к делопроизводственным источникам, хотя имеет «партийное» происхождение. Отметим, что в Списке использованных источников и литературы данные группы источников названы иначе, соответственно «Законодательные и нормативные акты», «Документы Коммунистической партии СССР» (!!!).

В числе важнейших источников – нормативно-правовые акты органов государственного управления, документы ведомственного делопроизвод-

ства (приказы, распоряжения, инструкции, протоколы, доклады), материалы партийных органов. Всего автором было изучено более 200 архивных дел, хранящихся в четырех центральных архивах (ГАРФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЛИ), а также в 7 региональных и ведомственных архивах. Автор изучила также документы, хранящиеся в личном архиве (Г.Д.Нагрузов), личных фондах ряда архивов. Значимо представлена периодическая печать – 23 издания, в том числе 21 издание – местные. Автор провела ряд бесед с ветеранами средств массовой информации, другими работниками.

Анализ источниковой базы, использованной в диссертационном исследовании, способов ее анализа, а также заключений, сделанных автором в диссертации, позволяет сделать вывод, что исследование имеет достаточно содержательную основу для выявления важных и существенных процессов исторического развития в рамках предмета исследования.

Вторая глава посвящена процессу становления массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая.

Следует отметить, что автор достаточно четко раскрыла предпосылки возникновения массово-информационных пространств, показала инструменты и механизмы создания региональной системы средств массовой информации в целях реализации государственной информационной политики, включая работу с авторами и деятельность по формированию аудитории СМИ.

Ю.Б.Костякова подробно описала процессы становления письменности у народов региона, раскрыла те проблемы, которые препятствовали становлению массово-информационных пространств, включая слабость сообщения между населенными пунктами, их малонаселенный характер, территориальную изоляцию, сложность доставки газет, проблемы в организации радиовещания, а затем и телевидения и др. Очевидно, и в этом мы согласны с автором, что материальный фактор, а также общий уровень

развития культуры населения (включая грамотность), определяли специфику МИПов, особенно на начальных этапах их становления и развития.

Интересными являются сюжеты, раскрывающие различные формы массовой работы, включая «кочующих агитаторов», «красные юрты» и др. Отметим, что Ю.Б. Костякова много внимания уделяет национальной специфике формирования массово-информационных пространств. Так, автор отмечает, что преобладание устной коммуникации в информационных процессах на этапе становления МИПов определялось «особенностями менталитета хакасов и алтайцев, сформированного в традициях обмена общественно-значимыми сведениями в устной форме» (см., напр. с. 132-133 диссертации). Или: «Доверие к чтецу определяло и степень доверия к ретранслируемым им сведениям, получаемым из газеты» (с.134 диссертации). На с.201 отмечается роль неформальных лидеров – старейшин, священнослужителей (шаманов), баев (кулаков), представителей интеллигенции (учителей, чиновников, общественных деятелей), которые воспринимались не как представители какой-либо классовой, социальной или возрастной группы, а были четко персонифицированы, обладали собственной репутацией, происхождением, «родовыми признаками...».

Ю.Б.Костякова внутри рассматриваемых периодов формирования и развития МИПов выделяет стадии развития частных процессов (например, становления радиовещания, развития стенгазет, развития и сокращения сети многотиражной прессы и др.); такой подход позволил создать объемную картину информационного процесса и становления МИПов.

Третья глава посвящена изучению массово-информационных пространства Хакасии и Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (вторая половина 1941–1953 гг.).

В главе автор подробно исследует изменения в государственной политике в отношении СМИ, в содержании СМИ и, как следствие, в массово-информационных пространствах изучаемого периода. С автором можно согласиться в том, что «Количественные и качественные изменения, про-

изошедшие в системе СМИ в период войны, также сказывались на их деятельности в течение всего послевоенного десятилетия» (с.244 диссертации).

Автор показала тенденции в отношении развития материальной базы СМИ, выявила причины массового сокращения объема и периодичности средств массовой информации, особой роли в условиях войны радиослушания и получения наиболее оперативной информации именно по радио (с. 251-257 диссертации).

Большой интерес представляют выводы автора о динамике МИПов в условиях Великой Отечественной войны, а также тех проблемах, которые встали перед СМИ в послевоенный период. Особое внимание автор уделяет качеству информации в СМИ, которое непосредственно влияло на востребованность газет среди читателей (с. 266-268 диссертации).

Значимым представляется вывод автора о роли развернувшегося в Хакасии промышленного строительства в расширении системы средств массовой информации, что «стимулировало изменения во взаимодействии СМИ автономии, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, и, как следствие, формирование основных отличий массово-информационных пространств рассматриваемых территорий» (с. 274 диссертации).

Автор показала основные социальные изменения в составе редакций СМИ, составе журналистских кадров, руководителей СМИ, рабселькоров в военный и послевоенный периоды.

Вместе с тем, в данной главе сказывается авторская увлеченность журналистским анализом содержания СМИ, что, безусловно, интересно и важно, однако несколько утяжеляет текст исследования.

Четвертая глава посвящена анализу массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая в период промышленного освоения южной Сибири (1954–1991 гг.).

Отметим, что в относительно компактной главе рассматривается почти сорокалетний период советской истории, что неизбежно привело к некоторой «пунктирности» изложения в противовес первым главам, где изложение происходило порой даже избыточно подробно.

Ю.Б. Костякова в главе рассмотрела взаимовлияние политического и экономического факторов при формировании государственной информационной политики. Автор рассматривает изменения в СМИ в ходе некоторых важнейших экономических, управленческих кампаний, проводившихся в рамках радикальных реформ Н.С.Хрущева (освоения целины, общесоюзной кампании по перестройке управления сельским хозяйством и др.); в связи с реализацией Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края» и др. Отмечено позитивное воздействие процессов десталинизации на отношение к журналистским кадрам: «... журналист перестал рассматриваться в качестве редакционного «винтика», который можно легко заменить другим работником. Большое значение стало придаваться его личным качествам, неформальному отношению к делу, творческой инициативе» (с. 404 диссертации).

Интерес представляет сюжет, связанный с работой цензоров в условиях развития телевидения (с.419-422 диссертации). Автор раскрыла специфику партийного руководства средствами массовой информации (с.423-428 диссертации), показала воздействие различного рода партийных решений на изменение характера СМИ (например, «превращение газет в бюро жалоб» из-за необходимости реагирования на жалобы трудящихся, с. 447-449), раскрыла содержательное наполнение дискуссий по межнациональной проблематике в Горном Алтае и Хакасии (с.457-468) и др.

Как положительный момент исследуемой диссертации отметим умение автора вести полисодержательное исследование, параллельно отслеживая ряд процессов, включенных в МИП. Содержательными выглядят

сюжеты, связанные с анализом социального состава редакций, рабселькопов (авторского актива).

Автор показала хорошее знание местной прессы различных периодов советской истории.

Отмечая вполне положительное впечатление от изученной диссертации Ю.Б. Костяковой, хотелось бы обратить внимание на ряд замечаний, которые можно предъявить к автору исследования.

Во-первых, вызывает некоторое удивление обоснование методологической основы исследования. Безусловно, что авторский подход к исследованию темы, в том числе и разработанная модель массово-информационного пространства, является одним из результатов исследования. Но сама эта модель построена на каких-то более широких методологических и теоретических основаниях. Я бы рискнул предположить, что одним из методологических оснований данной работы является теория модернизации в одной из своих многочисленных вариаций, а также институциональный подход, поскольку все содержание диссертации очень убедительно свидетельствует о том, что автор вполне последовательно описывает становление одного из институтов индустриального общества, а именно, института СМИ и порождаемого его становлением массово-информационного пространства. Впрочем, это мое субъективное мнение. В контексте данного размышления позволим себе не согласиться с мнением автора о продуктивности для исследования сочетания формационного и цивилизационного подходов, который позволил, по мнению автора, «...устранить противоречия в понимании сущности и генезиса общества, в определении роли субъектов исторического процесса, в восприятии истории советского периода с позиций современной науки и методологии» (с.14 диссертации). Как представляется, формационный подход в том виде, в каком он существовал в советском обществе, не создавал предпосылок для адекватного осмысления действительности, а многие явления советской жизни нельзя было объяснить только через призму формационного

подхода (если, конечно, речь идет о марксистском формационном подходе в его советском варианте), например, крушение самого социализма.

Во-вторых, отметим, что исследование выиграло бы, если бы в первой главе были системно изложены основные элементы авторской модели массово-информационных пространствах, а не только определены ключевые понятия. Дело в том, что положения, раскрывающие авторский подход к теории вопроса, разбросаны по тексту, подводя микро-обоснования под различные исторические сюжеты. Так, главное условие для возникновения МИП обнаруживаем на с.134 диссертации, определение аудитории СМИ как условия формирования массово-информационного пространства – с.171; классификация аудиторий на целевую, потенциальную и реальную на с.172; определение политического фактора, который влиял на расширение реальной аудитории, помещено на с. 178; применение теории лидеров общественного мнения на с. 200-201 диссертации и др.

В-третьих, Ю.Б.Костякова сосредоточила основное внимание на организационных, технических, управленческих аспектах формирования массово-информационных пространств. Однако, очевидно, что характер массово-информационных пространств определялся теми политическими кампаниями, которые носили для советского общества фундаментальный характер и на проведение которых проводилась мобилизация всего информационного аппарата. Это, например, кампании по борьбе с «уклонами» в ВКП(б), борьба за выполнение планов пятилеток, борьба с «врагами народа», организация отпора врагу в годы войны, разоблачение культа личности и его последствий, разъяснение программы построения коммунизма, хозяйственная реформа, перестройка и др. Эти кампании обладали структурирующим значением, они фиксировали качественное состояние самого массово-информационного пространства на определенный момент времени, а поэтому, как мы полагаем, было бы важно структурно выделить сюжеты, связанные с ними в тексте исследования. В диссертации же некоторые кампании лишь упоминаются (например, кампания по десталиниза-

ции, хозяйственная реформа и др.) без четкого качественного анализа МИПов, в других случаях дается весьма подробное описание приемов и средств достижения необходимого результата (например, формирование образа врага в период Великой Отечественной войны).

В-четвертых, согласно определению, которое дала Ю.Б.Костякова, массово-информационное пространство – это «... пространство, образованное совокупностью четырех взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: СМИ, аудитории, медиаинформации и авторов публикаций» (с.47 диссертации). Анализ показывает, что в диссертации, очевидно, не хватает анализа тех данных, которые характеризовали изменения в массовом сознании советских граждан. Отдельные замечания на эту тему не снимают вопроса о том, а что изменялось в «массовом» пространстве? Каковы результаты деятельности по формированию МИПов? Что изменялось в сознании граждан? и т.д. Естественно, что не по каждому периоду советской истории можно привести данные социологических исследований или материалы исследований, в которых бы давался аргументированный анализ изменений в массовом сознании. Но фиксация состояний массового сознания хотя бы по территориальным (а может быть, и по социальным группам) была бы значимым моментом в анализе динамики МИПов. Об этом тем более нужно сказать, что целью работы было, в том числе «...исследовать процесс и **результаты** (выделено – М.В.) взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в Хакасии и Горном Алтае...» (с.7 диссертации).

В-пятых, вряд ли можно согласиться с некоторыми формулировками, которые представляются недостаточно корректными. Приведу несколько примеров. Так, на с. 50 дается определение массово-информационного пространства, под которыми автор понимает «...одну из форм существования **материальных объектов**, в данном случае – СМИ, аудитории, авторов публикаций и **медиаинформации** (выделено – В.М.)...».

На с.95 отмечается, что «Решения съездов, конференций, пленумов, определявшие генеральную линию партийно-государственной политики, в том числе информационной и национальной, обладают **невысокой фактической ценностью** (выделено – В.М.) для нашего исследования, поскольку они в большинстве случаев содержат идеологические схемы, отражавшие не жизненные реалии, а политизированные мифы». Но естественным будет спросить: разве решения правящей партии не определяли государственную информационную политику, с учетом особенностей реализации которой в Хакасии и Горном Алтае происходило становление массово-информационных пространств? (с.22 диссертации). И разве политизированный миф, ставший элементом государственной политики, не является историческим фактом и фактом политики? Кстати, авторский подход отразился и на перечне документов высших органов Коммунистической партии Советского Союза, которые были представлены в Списке использованных источников и литературы. Представляется, что он мог бы быть значительно более объемным, отражая документы высших партийных органов по вопросам распространения информации, ее характера и направленности. Например, имело бы смысл упомянуть постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению партийных газет» от 24 января 1952 г.; ЦК КПСС «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» от 30 августа 1958 г.; «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» от 6 июня 1962 г и др. В целом, партийные и государственные документы представлены в Списке лишь первой половиной XX века (за небольшим исключением).

Однако, несмотря на высказанные замечания, можно констатировать, что диссертация является законченным научным исследованием, выполненным автором самостоятельно на хорошем научном уровне. Выводы диссертационного исследования достоверны, получены автором самостоятельно, выводы обоснованы. Высказанные мной замечания являются, в

большинстве своем, элементом научной дискуссии, они подразумевают право автора на самостоятельную позицию по исследованной проблеме.

Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию на конференциях различного уровня, отражены в 5 монографиях, 37 научных публикациях, в том числе, в 18 статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных работ. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

Диссертация соответствует «Положению о присуждении ученых степеней», утверждённому Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 года к диссертациям на соискание доктора наук и соответствует специальности 07.00.02. – Отечественная история, а Юлия Борисовна Костякова заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Официальный оппонент:
Мохов Виктор Павлович,
доктор исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история
профессор,
декан Гуманитарного факультета
ФГБОУ ВО «Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет»
Почтовый адрес: 614068, г.Пермь,
Ул. Луначарского, д. 105, кв. 169
mvp@perm.ru
тел.: 83422198176

В.П. Мохов

25 октября 2016 года